

ВОСПОМИНАНИЕ
о русскомъ художнике
ПАВЛѢ АНДРЕИЧѢ ФЕДОТОВѢ

THE WALLS OF JERUSALEM

BY
JOHN,
BISHOP OF
LONDON.

LONDON:
PRINTED FOR
T. CROWDER,
AT THE
CROWN IN
CHANCERY-LANE.
MDCCLXV.

107247/К

ВОСПОМИНАНИЕ

О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛЪ АНДРЕИЧЪ

ФЕДОТОВЪ

А. ДРУЖИНИНА

М. М.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=

1853

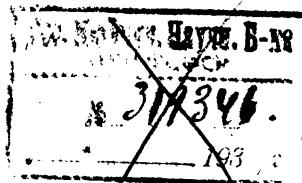
fa 4175.60.22

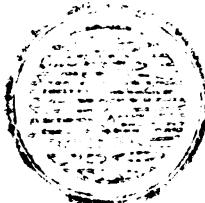

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

от тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Санкт-Петербургъ, марта 16 для 1853 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ВОСПОМИНАНИЕ О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛЪ АНДРЕИЧЪ ФЕДОТОВЪ.

«Чувствуя приближение смерти, генераль напрь поднялъ голову и сказалъ, по испански, обращаясь къ окружавшему его непріятелю:

«Здѣсь умираю я, Ричардъ Гренвилль, какъ добрый солдатъ, слѣдавшій свое дѣло. И будутъ обо мнѣ вѣчно помнить, какъ о зорномъ и храбромъ воинѣ....»

Записки Ралейя.

«Жизнь самого простого человѣка можетъ быть поэмою», говоритъ одинъ изъ современныхъ мыслителей, и афоризмъ его справедливъ до нѣкоторой степени. Но сколько ума, наблюдательности, добрыхъ началь долженъ имѣть въ себѣ читатель, приступающій къ жизнеописанію обыкновенного человѣка, затѣмъ, чтобы поучаться имъ какъ поэмою! Малое, крайне малое число біографій стоять названія поэмъ по своей общедоступности; немногіе изъ людей, жившихъ и живущихъ на свѣтѣ, сумѣли сдѣлать возвышенную пѣснь изъ своей жизни, — пѣснь, врѣзвавшуюся въ память современникамъ и несущую за собой благородное поученіе для послѣдующихъ поколѣній. И тѣмъ дороже должны быть для насъ люди подобного рода. Искать такихъ людей, любить ихъ, передавать свѣту ихъ дѣла, труды, мысли, самыя заблужденія и странности есть

наслажденіе. Теряя человѣка , создавшаго изъ своей жизни пѣснь героической поэмы , мы теряемъ не все: лучшая его часть остается съ нами. Мы стыдимся плакать ; невинныя , но пустыя фразы , произносимыя во время тяжкихъ потерь , здѣсь оказываются лишними. Рыдать и бесплодно сѣтовать позволяетъ только передъ гробомъ существъ , дорогихъ нашему сердцу , и ничего болѣе. Люди , живши и трудившихся недаромъ , требуютъ своей памяти иной дани , иного почитанія.

Художникъ Павель Андреичъ Федотовъ , скончавшійся , послѣ тяжкой болѣзни , въ ноябрѣ 1852 года , принадлежитъ къ числу людей , жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго , какъ художника , слишкомъ известны всякому , кто сочувствуетъ русскому искусству ; жизнь его есть пѣснь гороической поэмы , богатая поученіемъ . Эта жизнь , вся отданная высокому и прекрасному , лучше всѣхъ твореній Федотова . Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и известности ; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ , какъ слабы , ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами , которыя зрѣли въ умѣ его . Только они сознавали съ ясностью , что будущіе труды нашего соотечественника , можетъ быть , преобразятъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта . Только имъ передавались проекты будущихъ произведений , изумительныхъ по мысли , вдохновенно задуманныхъ . Только они по временамъ могли удивляться , глядя на бѣгущіе очерки , въ которыхъ достоинства , то видимому , самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ , выражались съ рѣзкостью , приводящую въ изумленіе . Многіе изъ жителей Москвы и Петербурга любовались большими альбомами Федотова ; но неизвестно знаютъ , что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику , между тѣмы какъ другое , несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его . Многіе изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ , где брація шла рядомъ съ андреаю , сатира съ страстью , сила концепціи съ истинно фланандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ ? Если кто набуль изъ нихъ и дѣмалъ предположенія насчетъ того , какимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Федотова , таکія предположенія все-таки не могли волходить въ мысли . Какъ геніальный полководецъ , поереди глубокой тишины окружившей вепріятели , стянувшись всѣ свои силы , изучившій каждый шагъ боевой мѣстности , нашъ художникъ выжидалъ только часъ для побѣды .

Судьбъ не угодно было дать ему этого часа , чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ . И полководецъ остался извѣстенъ только по авангарднымъ дѣламъ , и художникъ подарилъ насть одними начинаніями . Еще бы голь ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ !

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Федотова , какъ художника . Но жизнь его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое , къ которому нечего прибавлять , изъ которого нельзѧ выбросить одной страницы . Постараемся же изобразить эту жизнь , такъ , какъ мы ее понимаемъ , безъ фразъ и излишнихъ подробностей , но съ горячей любовью къ памяти покойного . Всякая замѣтка или дополненіе къ настоящему труду будутъ нами приняты съ чувствомъ живѣйшей благодарности . Мы не гонимся ни за полнотой очерка , ни за хронологическимъ порядкомъ , ни за правильностью изложенія : намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга , такъ , какъ мы собственно ее понимали , такъ , какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства , ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой , малѣшимъ неудовольствіемъ .

Павелъ Андреевичъ Федотовъ родился въ Москвѣ , отъ весьма небогатыхъ родителей .

«Отецъ мой — рассказывалъ онъ — былъ воиномъ екатерининскихъ временъ , рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ , но выдававшимъ многое на свое мѣсто вѣку . Рассказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства : такъ отдаленно казалось времена , къ которому они относились , такъ изумительны оказывались лица и герои ; имъ упоминаемые . Женатъ онъ былъ два раза : въ первый — на пѣниной турчанкѣ , во второй — на моей матери . Большое наше семейство помышдалось въ небольшомъ домикѣ , и жили мы очень бѣдно ; но пока отецъ могъ служить , нужны особенной мы не испытывали . Старикъ былъ очень строгъ по службѣ , и часто , когда онъ возвращался домой изъ должности , за нимъ цѣль сторожѣ съ одной , а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ . Сапоги эти , перевязанные битовой , кажется , съ печатью около уала , принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ писцамъ ; снятые за наказаніе , они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся . Честностью обладать онъ бѣзмѣрю ; но она , какъ у многихъ честныхъ старииковъ , перечесшихъ многое въ жизни , облечена была въ формы суровыя , жесткія , угловатыя . Я помню , какъ одинъ разъ , замѣтилъ , что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами , отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко , что бѣдный обладатель небольшого сокровища замахалъ . Я думаю , что упрекъ

отца былъ иеоснователъ, осуждаю его подозрительность, а со-
всѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной
ему правдивости. Елибъ я могъ разскажать вамъ, при какихъ об-
стоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣ-
нѣе раздѣлили мои чувства.

«Зима обыкновенно проходила довольно печально; но я это
для насть, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленные улицы
Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ деревни сельской;
а въ то время онѣ были почти тоже, что деревня. Любимымъ ме-
стомъ нашихъ игрь былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдо-
воль рѣзвиться съ другими ребятишками, но откуда, сверху, от-
крывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія,
оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на бледечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью
находить наслажденіе въ созерцательныхъ занятіяхъ: обязанъ я
сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь избогатаго, даже,
попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти
недоступно ребенку изъ достаточного семейства,—ребенку, развива-
ющемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да
двухъ-трехъ друзей дома — особъ по болѣйшей части благовоспитан-
ныхъ, стало быть, ие имѣющихъ ничего особенно действующаго
на дѣтскую фантазію. Весьмите теперь мое дѣтство: и всякий день
видѣлъ десятки народа самого разнохарактернаго, живописнаго и
сверхъ всего этого сближеннаго со мною: Наша многочисленная
родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей про-
стыхъ, неуклаженныхъ свѣтской жизнью; наша прислуга состав-
ляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди
были все люди знакомые; съ икъ дѣтьми я сходился не на
дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнниѣ или въ огородѣ; мы дружились,
ссорились и дрались иногда, какъ намъ только хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу —
и у тетушекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священ-
ника, и около сѣнника, и на сосѣдніхъ дворахъ. Все, что
вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ
солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти обсужден-
но во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминан-
іямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей,
я почему-то представляль мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ.
Быть московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе; чѣмъ
быть купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ
служителей, дядей, ключницъ и кухарокъ; я, самъ не зная поче-
му, переношуясь мыслю въ Москву.... Сила дѣтскихъ впечатлѣній

зачасъ наблюдений, слѣдившихъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія.»

... Понятно, что у ребенка, способнаго развиваться такимъ образомъ, умственныя качества не могли называться обыкновенными. И точно; маленький Федотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ преманий поступилъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ (*). Имя его, какъ отличившаго воспитанника, изображенено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминала о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреичъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, величайшихъ занимательности. Память его—сказывала онъ мнѣ — была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нескольку дней будто носилась передъ его глазами. «Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣтить синонимами), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ выпуска; вслѣдствіи память стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды разсказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ разсказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключение, будьте увѣрены, что память рассказчика слабѣеть, а самъ онъ близится къ старости.»

Сверкъ своей видимой способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреичъ умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ «въ костюмахъ и съ приличною обстановкою»; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чужой нашему растительности: «когда я, маленький — говорилъ онъ — глядѣть на ландкарту, около меня будто бродили львы, крокодилы и удавы»; слушая военные науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждаль крѣпости и выдергивалъ приступы; математика вообще и особенно тригонометрія

(*) Въ Корпусъ Федотовъ поступилъ въ 1826 году, имъ отъ роду около четырехъ лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличие въ наукахъ и поведеніе, слѣдить онъ былъ унтер-офицеромъ, а еще черезъ два года, въ 1832, фельдфебелемъ.

наполненыи его умъ удивлениемъ къ чудесамъ, на которыхъ способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія дошелъ до возможности дѣлать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей; то музыку онъ любилъ больше живописи. Осьмнадцати лѣтъ Федотовъ покинулъ школьнія занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій полкъ, прaporщи-комъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личный воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреевичемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами (*).

Мое первое свиданіе съ Федотовымъ произошло въ 1838 году. Назлу Андреичу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовала симпатію къ нашему будущему художнику, тогда еще моло-денькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, съѣтльми глазами и маленькими темными усиками. Помню очень хорошо, что мои братья и другіе сослуживцы Павла Андреича въ этотъ день шутили по поводу какихъ-то его недавнихъ походженій въ Галерной Гавани, около взморья. На вопросы котораго-то изъ присутствующихъ обо всей исторіи Федотовъ разсказалъ команіи, какъ онъ, забравшись въ этотъ, едва ли не самый отдален-ный изъ всѣхъ уголковъ Петербурга, провелъ тамъ цѣлый день

(*) Здѣсь авторъ считаетъ величину сказать нѣсколько словъ отъ своего лица. И писатели и публика, особенно у насъ, въ Россіи, имѣютъ весьма понятное и весьма легко объяснимое предубѣжденіе къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ сочинители безъ всякой нужды вводятъ свою собственную личность, во времъ спорности и часто въ ущербъ произведению. Но предубѣжденіе это, появляющееся въ отношеніяхъ, становится ложнымъ и вреднымъ, чуть оно переходитъ въ край-вость. Неоспоримый опытъ показываетъ, что бiографіи и замѣтки о замѣчательныхъ современникахъ теряютъ половину своей живости отъ излишней щекотливости сочинителей. Безъ нужны скрывая свою личность, щепетильный бiографъ часто грѣшитъ наровѣ съ хвастуновъ, выискивающимъ всѣ случаи, чтобы печально поговорить о самомъ себѣ, а самой статьѣ, изгнавъ изъ нея свои личные чувства и возврѣвши, придаетъ тонъ холодный и докторальный. По мнѣнію автора, простота и откровенность могутъ называться лучшими средствами выпутываться изъ всѣхъ щекотливыхъ положеній, литературныхъ и житейскихъ. Одинъ изъ темныхъ и неизвѣстныхъ публикѣ друзей Байрова говорилъ, начиная своимъ воспоминаніемъ о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ: «Я не знаю за собой ничего особенно изум-го и позорного: для чего же мнѣ прятаться съ моей личностью, терять лѣвъ или три черты, способныхъ уянить личность, манеру, странности человѣка, дружбой котораго я никогда не перестану гордиться? Для портрета необходимо фонъ: мнѣ не желательно, чтобы фигура, нарисованная мною, плавала въ туманѣ!»